

Елена Арсеньева

# Возлюбленные уста (Мария Гамильтон – Петр I. Россия)



*Часть сборника  
Преступления страсти.  
Ревность (сборник)*



**Елена Арсеньева**  
**Возлюбленные уста (Мария**  
**Гамильтон – Петр I. Россия)**  
**Серия «Преступления**  
**страсти. Ревность», книга 5**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=162532](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162532)*  
*Преступления страсти. Ревность: Эксмо; Москва; 2008*  
*ISBN 978-5-699-26496-4*

**Аннотация**

«Зеркало колебалось, дрожало. Дрожало и лицо, в нем отраженное. Зеркалом служила темная вода в кадке. Вокруг царил полумрак, и отражение казалось загадочным и удивительно красивым. Не было видно теней, залегших под глазами от многодневных страданий, впалых от недоедания щек, потемневших от обильных слез век. И узнице показалось, что красота, утраченная в заточении, вернулась к ней. А уж когда она туго-натуго заплела в косы темные волосы, когда надела белое платье, украшенное черными лентами...»

# Елена Арсеньева

## Возлюбленные уста (Мария Гамильтон – Петр I. Россия)

*Как ни судите, ревность безобразна,*

*Ее уродств никак не скрасить нам...*

*Жан-Батист Мольер*

Зеркало колебалось, дрожало. Дрожало и лицо, в нем отраженное. Зеркалом служила темная вода в кадке. Вокруг царил полумрак, и отражение казалось загадочным и удивительно красивым. Не было видно теней, залегших под глазами от многодневных страданий, впалых от недоедания щек, потемневших от обильных слез век. И узнице показалось, что красота, утраченная в заточении, вернулась к ней. А уж когда она туго-натуго заплела в косы темные волосы, когда надела белое платье, украшенное черными лентами (по просьбе узницы ей нарочно принесли это платье, так и висевшее в ее комнате во дворце со времени ареста), когда светлый отблеск белого шелка озарил ее измученное лицо, ей показалось, что красоты такой вовсе не видывал мир и что государь, конечно, не останется к ней нечувствителен. Сердце его дрогнет, он вспомнит. Он вспомнит и смиляется над

несчастной преступницей!

О да, конечно, она совершила тяжкий грех... Вернее, она совершила много тяжких грехов. Только она не одна такая великая грешница. Просто ей не повезло – она попалась. А другие умудряются вершить свои тайные делишки шито-крыто, и если даже кто-то о чем-то догадывается, в точности-то никто и ничего не знает. А она попалась по глупости, по слабости... И теперь ей предстоит держать ответ.

Но ведь даже в Писании сказано: «Кто без греха – пусть бросит камень!» А кто без греха? Сам государь? Но разве он не убил собственного сына так же, как это сделала узница? И убил он несчастного царевича Алексея якобы ради государства, на самом же деле – ради себя и своей жизни, которую, конечно, не помиловал бы Алексей, кабы добрался до власти. Ну так и она, несчастная преступница, девка Марья Гаментова, чьей голове назначено сегодня быть отделенной от тела, совершила смертоубийство, и даже не одно, ради себя и своей жизни. Чем же она отличается от Петра? Почему он живет и царствует, а она обречена умереть?

Нет, это несправедливо. Государь не сможет совершить такую страшную несправедливость – тем более по отношению к ней... Ведь он любил ее! Он не просто брал ее к себе в постель, а истинно любил, пусть недолго, но очень сильно, страстно, и она ни от кого не слышала таких горячих, таких безумных слов, как от государя. Не слышала даже от Ивана, зато сама наговорила Ивану жарких слов несчетно, потому

что... потому что любила его больше собственной жизни!

Заскрежетало железо – узница вздрогнула. С двери снимали засов.

– Выходи! – послышался голос стражника.

Ну вот, уже...

Она пошла не чуя ног, и это было так чудно – ступать, земли не ощущая, что она все время боялась упасть, и подбирала подол, и глядела на ноги – да при ней ли они еще, может, отсохли от ужаса, от смертного ужаса, который владел всем ее существом? Она не помнила, как вывели ее на Троицкую площадь близ Петропавловской крепости. Очнулась только, когда сырой ветер коснулся лица. Утро было туманное.

Она огляделась. Близ крепости собралась толпа народу, привычного к казням и жаждущего нового душераздирающего, будоражащего зрелища. Боже, ни одного сожалеющего лица! Одно любопытство... Ну, спасибо, что нет хотя бы осуждения, не слышно криков и проклятий. А в некоторых мужских глазах она прочла даже неприкрытое восхищение своей красотой. И снова зашло в судорожной надежде сердце...

Ее подняли на эшафот. У подножия возились с какой-то простоволосой бабой, которая на помост восходить не желала. Она с некоторым изумлением узнала Катерину, свою бывшую прислужницу. Ох, как плачет, бедная, да что проку?

А это кто? Ведут какого-то мужчину... Иван! Да, Иван! Неужели выпадет им такое счастье – умереть в единую ми-

нуту, рядом умереть?

Но он не глядит. Лицо его бледно, испуганно, нет в нем ни тени памяти о минувшей любви.

И даже если умрут они одновременно, все равно умирать ей – в одиночестве!

Ибо мужчина слаб перед смертным страхом, а женщине дарует силы любовь.

Солдаты окружали площадь, наблюдая за порядком. Вторым рядом оцепления стояли шесты с насаженными на них полусгнившими головами. Это были головы казненных по делу о заговоре государева сына царевича Алексея. Заговорщиков обезглавили 8 декабря, сегодня 14 марта... Конечно, головы выглядят ужасно!

Неужели и ее прекрасная голова будет вот так же насажена на кол, вот так же покроется трупной зеленью, поползет по нежным щекам разложение, очерится рот в последней улыбке, проглянут сквозь сгнившую плоть кости черепа? А волосы ее станут еще длиннее... говорят же, что у трупов волосы растут...

«Господи! Господи, избавь меня от этого! – взмолилась она с такой страстью, с какой, кажется, никогда еще в жизни не молила ни о чем... даже о любви Ивана не просила так истово. – Господи, только не это! Не попусти, чтобы голова моя сгнила на колу... Не попусти, Господи!»

Дыхание зашлось...

Зеваки близко подступили к эшафоту. Откуда-то закри-

чали, что едет государь.

Она смотрела, трепеща.

Какой он высокий, как черны его глаза, как нахмурены брови... Помилует? Или не простит? Видит ли он, как хороша она... как прекрасна этой последней красотой цветка, который сейчас будет срезан острой косой смерти?

Помилует? Или не простит?

Он смотрел молчаливо. Ох, Господи, хорошо и то, что не осыпал ее попреками, насмешками, бранью, чем сплошь да рядом сопровождались прошлые казни, какие бывали в высочайшем его присутствии.

Помилует? Или не простит?

– Девка Марья Гаментова! – выкрикнул один из секретарей, начиная чтение приговора.

И она вздрогнула, встрепенулась. Это ей читали приговор. Это она – девка Марья Гаментова...

\* \* \*

На самом деле ее фамилия была Гамильтон. Марья что-то такое слышала, будто прапрадед ее некогда пришел на Русь – еще при царе-батюшке Иване Грозном! – из неведомой иноземной страны Шотландии. Пришел, женился на русской, породил деток... Одна из внучек его была замужем за Артамоном Матвеевым, ближним боярином царя Алексея Михайловича. Многие потомки того первого Гамильтона вступили

в русскую службу, обрусели – и стали в русских документах писаться Гаментонами, Гаментовыми и даже Хомутовыми. И старинные шотландские имена изменились до неузнаваемости, например, отца Марьи Виллима стали отчего-то звать Данилою. Что ж, так, конечно, привычней для русского уха. И Марья звалась Марьей Даниловой Гаментовой...

Как девицу хорошего рода, ее взяли в царицыны фрейлины. Матушка Екатерина (Марта Скавронская тож), сама будучи вознесена на трон из-под солдатской телеги, где валялась на соломе, очень ценила родовитость и хорошее происхождение в других. Однако же она не хотела, чтобы слишком уж высокородные боярышни от нее косоротились, а потому среди камер-фрейлин и камер-фрау ее было всякой твари по паре, со всякого бору по сосенке: немки, чухонки, польки, карлы какие-то, а также русские – все больше красавицы. Катерина знала неумный нрав своего царственного супруга и, смиряясь с его изменами, как с неизбежностью, предпочитала, чтобы блудил Петрушка со своими, ближними девками, не слишком-то отдаляясь от жены. Она предпочитала знать его мимолетных милашек, чтобы к кому-то подольститься, кого-то припугнуть, с кем-то сдружиться, – чтобы с их помощью властвовать над сердцем величественного, непостоянного, пугающего, но столь любимого супруга.

И, конечно, она мигом заметила те взгляды, которые Петрушка начал кидать на высокую, статную, на диво белолицую и черноволосую девку Гаментову. Чертовски была она



хороша с этими своими черными волосами, белым лицом и румяными щеками. А глаза при всем при том у нее были синие – синей не бывает! Ну и диво ли, что Петрушка влюбился в Марьюшку и мигом прибрал ее к себе в постель?

Статус ее придворный мигом подскочил до небес. Теперь она имела немало нарядов и дорогих вещей, собственные комнаты, а также двух горничных девок, Катерину Терновскую да Варвару Дмитриеву. Ничего не скажешь – государь жаловал своих любовниц щедро – по тем-то временам!

Вообще Петру и прежде нравилось совращать фрейлин императрицы, а потом вместе с женой подробно обсуждать их стати и поведение в постели. Такие беседы их обоих здорово возбуждали: болтовня и смех переходили в умопомрачительные ласки, Петр словно бы молодел от рискованных разговоров, и когда возраст, заботы, хвори начинали брать свое и любовный пыл государя ослабевал, Катерина нарочно подсовывала ему какую-нибудь из своих на все готовых и на все гораздых девушек... Она слышала, что русские знахари для лечения невестанихи применяют такое средство: легонько подхлестывают прутиком «усталого жеребчика», и про себя называла мимолетных любовниц Петра березовыми прутиками, немало забавляясь при этом. Вот так же подхлестнула она угасший мужнин пыл березовым прутиком по имени Мария Гамильтон.

Катерина, которая сама не пропускала мимо себя пригожих молодцев и норовила при всяком удобном случае наста-

вить супругу рога (главное, чтобы все было шито-крыто!), на первое время даже обрадовалась, что Петр сильно увлекся Марьюшкой: значит, ничего и никого вокруг себя более не замечал. Катерина, крутя юбкой перед очередным тайным любовником, все же исподтишка посматривала в сторону мужа, который с головой нырнул в омут нового увлечения, а сама только вздыхала, гадая, долго ли у Петруши продлится очередное помутнение головы.

На своем царицыном веку она успела пережить уже несколько таких бурных увлечений мужа и даже, чего греха таить, раз-другой бывала с грустью убеждена, что ее власти над мужем и сидению на троне приходит конец. Но все так или иначе возвращалось на круги своя, они с Петрушей радостно падали в супружескую постель и пылко уверяли друг дружку во взаимной приязни.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.